

Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ

(ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ)

Одной из важных задач этнографической науки является изучение территориальных различий явлений культуры и быта, которые, как известно, обнаруживают огромное многообразие пространственно-ограниченных систем¹. Их этнографическое исследование связано с выявлением общих и различных черт в культуре народов, отражающих как местные этнические особенности, так и широкие стадияльные закономерности социально-экономического развития общества².

Попытки пространственно-временного подхода к истории культуры известны уже давно. По существу они были намечены еще Гегелем, который пытался с идеалистических позиций проанализировать развитие крупных историко-культурных областей древности: Египта, Передней и Средней Азии, Индии, Китая, Греции, Рима и др.³. В середине XIX в. историк-славянофил Н. Я. Данилевский поставил своей задачей проследить, как «формы исторической жизни человечества разнообразятся по культурно-историческим типам», внутри которых «развитие происходило от древности, к средним векам и новому времени»⁴.

В XIX в. успехи географии и этнографии в накоплении новых фактов увеличили интерес к территориальным аспектам культуры народов. В конце XIX и начале XX вв. ряд направлений и школ европейской и американской этнографии (школа «культурных кругов», антропогеография, диффузионизм и др.) подвергли критике многие положения эволюционизма⁵. Центральной идее эволюционизма — идее развития человечества во времени — были искусственно противопоставлены идеи «извечного» различия народов, а их развитие рассматривалось лишь как следствие миграций и диффузий. На первое место были выдвинуты территориальные аспекты, в ущерб временным, историческим. Однако интерес исследователей к географическому многообразию человеческой культуры имел и свои положительные последствия: появились первые опыты широкого пространственного анализа этнографического материала.

В самом конце XIX в. были сделаны попытки использования этнографических данных для пространственного анализа некоторых явлений

¹ Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 18.

² Л. Я. Штернберг, *Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы*, сб. «Этнография», 1—2, М.—Л., 1926, стр. 23; Н. Н. Чебоксаров, Н. А. Чебоксарова, *Народы, расы, культуры*, М., 1971, стр. 169 и сл.

³ Г. Гегель, *Сочинения*, т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 77, 96—97, 108, 136, 176, 212 и др.

⁴ Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Греко-Романскому*, СПб. (изд. 3-е), 1888, стр. 85—88 (1-е изд. в 1869 г.).

⁵ См.: Ю. П. Аверкиев, *Современные тенденции в развитии этнографии США*, сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 8—9; «Симпозиум. Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии», *Труды VII МКАЭН*. Москва, 1964», т. 4, М., 1967, стр. 441 и сл.

культуры. Так, Ф. Боас исследовал в Америке элементы сказок североамериканских индейцев⁶. Он попытался выделить элементы, обусловленные миграцией родственных племен и распространившиеся диффузно.

Идеи, рассматривающие диффузию культуры как генеральное направление прогресса человечества, получили наиболее яркое развитие в германской школе «культурных кругов», основанной Ф. Гребнером, и в работах этнографов «венской культурно-исторической школы»⁷.

Более прогрессивной по сравнению с культурно-исторической школой (с ее схемами «культурных кругов») явилась концепция американских этнологов. О. Мэсон, К. Уисслер, А. Кребер и Дж. Фолсом на конкретном материале по этнографии североамериканских индейцев разработали понятия «культурного ареала» и «культурного типа». Они произвели этнографическое районирование индейского населения Северной Америки⁸.

А. Кребер, К. Уисслер и Дж. Фолсом проводили различия между «культурным ареалом» и «типом». «Ареал» — более широкое понятие. Это район, в котором сходные природные условия способствуют образованию относительно единого культур. В одном «ареале» может быть несколько «типов» — т. е. различных комбинаций культурных черт и комплексов. Как «ареал», так и «тип» в большой степени обусловлены особенностями среды⁹.

Дж. Стюард рассматривал «культурный тип» как категорию, образовавшуюся вследствие «скрещивания» (crosscutting) главных ландшафтных типов с уровнями социально-политической интеграции населения¹⁰.

Дальнейшее развитие идей «культурных ареалов» и «типов» в американской этнологии мы можем найти в недавно опубликованной статье Дж. Вайса¹¹. Он определяет «культурный ареал» в качестве территориальной группы культурных систем, обычно родственных и характеризующихся определенным набором черт, отличающих данную группу культур от других.

В отличие от А. Кребера и К. Уисслера, Дж. Вайс, следуя за Дж. Стюардом и Дж. Мёрдоком, скептически относится к идее о единстве мировой культуры человечества. Он сторонник плюрализма. В известной степени плюралистический подход к общественным явлениям и этнографическому материалу проявил Дж. Мёрдок, создавший на основе предложенного им метода «кросскультурного» анализа и дифференциации культуры по элементам «Этнографический атлас мира»¹². Эти исследования Мёрдока были подвергнуты серьезной критике¹³.

⁶ F. Boas, Dissemination of tales among the natives of North America, «Journal of American Folk-lore», vol. IV, 1891.

⁷ Критику этих направлений см.: М. Г. Левин, История, эволюция, диффузия, «Сов. этнография», 1947, № 2; С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4 и др.

⁸ O. T. Mason, Technogeography, or the relation of the earth to the industries of mankind, «American Anthropologist», vol. VII, 1894, p. 149; C. Wissler, The American Indian, N. Y., 1917; A. L. Kroeber, Cultural and natural areas of native North America, Berkeley and Los Angeles, 1939; «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1959, стр. 53—54; Ю. П. Аверкиева, Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки, «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 154—161.

⁹ J. Folsom, Culture and social progress, N. Y., 1928, p. 28.

¹⁰ J. H. Steward, Theory of culture change: the methodology of multilineal evolution, Urbana, 1955, p. 92.

¹¹ G. Weiss, A scientific concept of culture, «American Anthropologist», vol. 75, № 5, 1973, p. 1403.

¹² G. P. Murdock, World ethnographic sample, «American Anthropologist», vol. 59, № 4, 1957, его же, Ethnographic atlas, «Ethnology», vol. I—VI, 1962—1967.

¹³ H. E. Driver and K. F. Schuessler, Correlational analysis of Murdock's 1957 ethnographic sample, «American Anthropologist», vol. 69, № 2, 1967, p. 332—352; см. рецензию Н. А. Бутинова на «Этнографический атлас» Дж. П. Мёрдока, «Сов. этнография», 1967, № 6.

Однако у него нашлись и последователи. Так, Р. Чаней объединил «кросскультурный» метод с количественным анализом интегрированных «культурных ареалов». В своей последней работе Р. Чаней провел общее-мировое картографирование некоторых культурных феноменов, показанных на матричной таблице и карте¹⁴. Используемый Р. Чанеем прием носит, однако, формальный характер и лишен историчности. Он искажает действительную картину этносоциального многообразия человечества даже по отношению к отобраным автором слабо развитым народам. В работе Р. Чанея отсутствуют попытки выявления широких пространственно-временных закономерностей развития явлений культуры и быта народов мира.

Иной подход к объяснению многообразия человеческих культур, раскрытию причин сходства и различий в образе жизни народов был уже давно предложен советскими этнографами, изучающими культуру народов в их конкретном историческом развитии. Пространственные отношения развивающихся явлений культуры должны рассматриваться в тесной связи с историей их возникновения и развития¹⁵. При таком подходе на первое место выступают этнографические факты, отражающие определенные генетические ряды и разные качественно различные этапы исторического развития.

Этот подход нашел свое воплощение в известной концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей»¹⁶. Уже опубликовано немало статей на эту тему¹⁷. Правда, большинство из них посвящено хозяйственно-культурным типам. Исследования историко-этнографических областей — т. е. историко-этнографическое или историко-культурное районирование традиционно-бытовых культур мира, по существу только начинается. Но эти исследования приобрели теперь большое значение в связи с дальнейшей разработкой теоретических основ этнографической науки¹⁸ и созданием историко-этнографических атласов¹⁹.

Историко-этнографические области, как правило, охватывают группы этносов (народов). Это — части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие общие особенности культуры как материальной, так, в известной степени, и духовной²⁰. Поэтому судьбы тех или иных историко-этнографических областей всегда связаны с этнической историей народов.

Хорошо известно, что современные этносы (народы), как правило, смешанного происхождения. Они сложились в ходе социально-экономического, политического, языкового и культурного взаимодействия этносов

¹⁴ R. P. Chaney, Comparative analysis and retroductive reasoning or conclusions in search of a premise, «American Anthropologist», vol. 75, № 5, 1973, p. 1358—1375.

¹⁵ С. П. Толстов, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 8; его же, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 12; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 236 и сл., и др.

¹⁶ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

¹⁷ См. подробнее: Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования, «Сов. этнография», 1972, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока, «Проблемы истории Дальнего Востока», Владивосток, 1969, стр. 131—146, и др.

¹⁸ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 33.

¹⁹ С. И. Брук, Атлас населения мира, «Сов. этнография», 1970, № 1; его же, Проблемы картографирования в этнографии, «IX международный конгресс антропологических и этнографических наук, Доклады советской делегации», М., 1973.

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 216.

в рамках географически и исторически ограниченных территорий или широких социально-политических объединений (государств)²¹.

В сложных процессах этногенеза различные этносы (как носители тех или иных традиционно-бытовых культур) часто вступали друг с другом в контакты, что сопровождалось как биологической метисацией, так и культурным взаимодействием. От периода к периоду менялись границы расселения этносов и трансформировались историко-этнографические провинции и области под воздействием крупных исторических миграций населения; в ходе этих миграций активно развивались и различные культурно-генетические процессы взаимовлияния²².

В отличие от конкретных этносов (народов), всегда обладающих этническим самосознанием, историко-этнографические области, как правило, не осознаются людьми. Чаще всего они могут быть выделены лишь в ходе специальных этнографических исследований²³. Но иногда они очень четко ограничены территориально, что способствует появлению в сознании обитающих там народов представления о широкой этнографической общности. В качестве примера можно привести Кавказ. Здесь живет около 50 народов, языки которых принадлежат к трем семьям: кавказской, индоевропейской и алтайской. Народы эти обладают своеобразными особенностями культуры и быта, что находит свое отражение в типах жилища, одежды, утвари, в нравах и обычаях. Каждый из крупных кавказских народов имеет яркие, неповторимые черты традиционно-бытовой культуры; и в то же время очень многое их объединяет, что является результатом хозяйственного, политического и культурного общения на протяжении столетий в пределах единой историко-этнографической области.

Совершенно ясно, что историко-этнографические области, как и хозяйственно-культурные типы, являются историческими категориями, возникавшими, развивавшимися и во многих случаях исчезающими в процессе многообразного социально-экономического и культурного развития конкретных этносов. Но историко-этнографические области отличаются от хозяйственно-культурных типов тем, что часто объединяют в одном общем ареале ряд таких типов, что обусловлено неравномерностью социально-экономического развития отдельных народов, их этническими традициями и географическим разделением труда. Так, например, в Среднеазиатско-Казахстанской провинции на протяжении многих столетий развивался процесс специализации одних групп населения на кочевом и полукочевом скотоводстве, других — на оседлом поливном земледелии. В этом процессе отразились как исторические факторы, так и природно-географические, в виде своеобразного взаимного приспособления хозяйственной деятельности скотоводов и земледельцев²⁴.

В отличие от хозяйственно-культурных типов (территориально дисперсных и нередко расположенных в удаленных друг от друга частях мира) историко-этнографические области всегда включают этносы (народы), расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой некоторыми общими культурными чертами, хотя они и различаются часто по уровню социального развития и направлению хозяйства, по характеру культуры, языку и расовому составу. Например, в Сибири М. Г. Левин выделил такие области, как Ямало-Таймырская, Западно-сибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская. В качестве примера хорошо исследованной историко-этнографической области Восточной Европы можно привести Прибал-

²¹ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 42 и сл.

²² П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы. М., 1951, стр. 6—9; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 74—77.

²³ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 34.

²⁴ А. Н. Ракитников, Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии, «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960, стр. 74.

тику²⁵. Названия всех этих областей имеют географический характер, что подчеркивает их территориальную принадлежность.

Историко-этнографические области, как и этнические общности, иерархичны или, что то же самое, таксономически неравноценны, образуя как бы систему локальных таксонов разных порядков в составе единого человечества. Основной единицей в этой системе является историко-этнографическая область. Области подразделяются на подобласти и районы. Несколько смежных областей могут быть объединены в крупные территориальные единицы, которые называют «историко-этнографическими провинциями» или «надобластями». Так, области, описанные М. Г. Левиным, входят в Сибирскую историко-этнографическую провинцию. Подобно этому Прибалтийская область составляет часть обширной Восточноевропейской историко-этнографической провинции (надобласти), в составе которой выделяются и другие области, как например, Молдавско-Украинская (Юго-Западная), Белорусско-Русская (Центральная) и Волго-Камская. Во всех этих областях намечаются историко-этнографические подобласти: в Прибалтике их три — Юго-Восточная, охватывающая восточные части Литвы и Латвии, а также юго-восток Эстонии, Юго-Западная, включающая западные районы Литвы и Латвии, и Северная, в которую входит Западная и Северо-Западная Эстония²⁶. В пределах каждой из этих подобластей могут быть выделены историко-этнографические районы (например, Дзукия, Аукштайтис, Латгалия — на юго-востоке, Судува, Курземе, Земгале — на юго-западе и т. п.).

Возможно, наконец, поставить вопрос о существовании своего рода историко-культурных зон высшего порядка, охватывающих группу провинций, вроде, например, всей Южной Азии.

Для выделения историко-этнографических областей и провинций главное значение имеют материалы по традиционно-бытовой культуре, характеризующие этнографические общности. Ю. В. Бромлей весьма справедливо отметил существенные различия между понятиями «этническая» и «этнографическая» общности²⁷. Этносы (этнические общности) и историко-этнографические области (этнографические общности) — две типологически различные системы, которые тесно переплетаются, структурно соотносятся, но, как правило, не совпадают друг с другом.

Большое значение для выделения современных историко-этнографических ареалов, наряду с особенностями орудий труда, жилища, пищи, утвари, одежды и т. п.²⁸, имеют специфические формы традиционно-бытовой культуры, связанные с художественным народным творчеством (типы орнамента, украшения, танцы, песни и т. п.). Для характеристики отдельных историко-этнографических областей большую роль играют изобразительные, музыкальные и фольклорные произведения, нередко связанные с определенной природной средой, хозяйственной деятельностью и образом жизни (например, сказки о животных или земледельческие мифы)²⁹. В фольклоре известны большие эпические циклы, возникшие в определенных культурных очагах и распространившиеся оттуда по широкой территории. Примерами подобных циклов могут служить

²⁵ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10—17; М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографические области, в кн.: «Очерки общей этнографии», М., 1957, стр. 50—56.

²⁶ М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 52—53; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 215—221.

²⁷ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 32—33.

²⁸ См. также: П. И. Кушнер, Этнографическая территория и методы определения ее границ, «Изв. АН СССР, серия историческая и филологическая», 1946, т. III, № 2, стр. 127.

²⁹ К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3.

Махабхарата и Рамаяна в Индостане, Саньго (Троецарствие) в Китае и соседних странах, сказание о Сери Раме в Индонезии и т. п.

Формирование историко-этнографических областей тесно связано с историческим процессом развития культуры различных этнических общностей. Для каждой крупной исторической эпохи характерны свои системы провинций и областей. Мы еще мало знаем об историко-этнографических различиях древней ойкумены. Однако, вероятно, истоки этих различий можно найти даже в раннем палеолите, когда в процессе гоминизации древнейшие люди постепенно заселили обширные пространства в Афроевразии между Атлантическим и Тихим океанами. Известные различия в хозяйстве и культуре между локальными группами популяций человека каменного века были, возможно, обусловлены как культурными традициями, так и разнообразными экологическими условиями обитания людей в особенности в связи с составом животных, бывших объектом охоты, а также с природными материалами для изготовления орудий (кремь, кварцит и другие горные породы в различных регионах, бамбук в тропиках, и т. п.)³⁰. Изучение всех этих различий, выделение археологических культур, их группировка на широких территориях представляет собой важнейшую задачу собственно археологической науки. Но историко-этнографическая интерпретация археологических исследований может послужить и для целей историко-этнографического районирования древней ойкумены. Весьма показателен, например, процесс «регионализации» палеолитической ойкумены в археологических работах последних лет. Многие исследователи — Г. П. Григорьев, Н. О. Бадер и особенно А. А. Формозов — предлагают изменить прежнее представление о немногих крупных палеолитических зонах ойкумены Старого Света. А. А. Формозов прямо ставит вопрос о градациях локальных культур палеолита, их иерархичности и многообразии (зона, культурная область, культура)³¹. Такой подход к археологическим культурам каменного века смыкается с задачами историко-этнографического районирования.

Однако задача историко-этнографической интерпретации локальных культур, выделяемых археологами, очень сложна и не имеет однозначного решения³². Одни из этих археологических культур соответствовали, вероятно, отдельным ступеням культурного развития общества, другие — хозяйственно-культурным типам, историко-этнографическим областям или этническим общностям разных порядков³³. Несомненно, что во все периоды истории человечества существовала определенная иерархия общественно-экономических, этнографических и этнических таксонов. Но с усложнением общей этнической картины мира и общественным прогрессом от эпохи к эпохе усложнялась историко-этнографическая структура ойкумены.

Важнейшие узловые моменты в этом процессе были в то же время и узловыми моментами всемирной истории: это — сапиентация и освоение

³⁰ Н. L. Movius, Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», 1944, vol. XIX, № 3; А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959; Г. П. Григорьев, К различию признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита), «VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966; Н. О. Бадер, О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока, «Труды VII МКАЭН», т. 5, М., 1970, стр. 359—365.

³¹ А. А. Формозов, Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века, «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972, стр. 13.

³² А. Л. Монгайт, Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований), «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 53—69.

³³ А. Л. Монгайт, Задачи и возможности археологической картографии, «Сов. археология», 1962, № 1, стр. 18.

новых территорий в Старом и Новом Свете, переход к производящим формам хозяйства («неолитическая революция») в отдельных районах, становление классового общества и государственности, смена рабовладельческих отношений феодальными, первоначальное накопление, развитие капитализма и начало колониальных завоеваний, завершившихся на рубеже XIX и XX столетий.

В период становления капитализма активно развивались процессы перекройки политической карты мира, образования многих крупных государств, вовлечения в общемировые связи периферийных изолированных областей. В новое время заметно усилился процесс смешения и объединения народов, видоизменялись этнические границы. Само образование и укрепление политических границ крупных государств развивалось параллельно формированию этнических общностей, характерных для эпохи капитализма — наций, что неизбежно влекло за собой известное их культурное обособление.

Немаловажное значение для историко-этнографического районирования имеет вопрос о соотношении этнических и расовых ареалов. Простое отождествление историко-этнографических областей с ареалами расовых типов неправомерно, так как первые являются социальными (в широком смысле слова), а вторые — биологическими подразделениями человечества. В то же время нельзя забывать, что историко-этнографические области представляют собой сложные системы этносов; существуют и сопряженные с ними системы популяций, которые характеризуются определенной расовой структурой³⁴. Популяции, входящие в каждую из таких систем, обычно находятся между собою в реальном взаимодействии, которое сопровождается биологическим смешением. Значительная устойчивость историко-этнографических областей и сопряженных с ними популяций, существующих, как правило, на протяжении многих сотен, а иногда и тысяч лет, позволяет ставить вопрос о расовом составе населения историко-этнографических областей и провинций. Так, например, в Африканской Тропической провинции на протяжении всей ее истории обитали относительно близкие между собой негроидные популяции. Есть и другие примеры совпадения ареала антропологических типов с историко-этнографическими областями. Так, в Западносибирской области сформировался особый уральский антропологический тип, в Алтае-Саянской области центральноазиатский тип, в Восточносибирской области байкальский и т. д.³⁵. В то же время есть немало крупных провинций и областей, особенно в широких зонах соприкосновения больших рас мира, где расовый состав очень разнороден. Такова, например, Среднеазиатско-Казахстанская провинция³⁶.

Очень сложна проблема соотношения историко-этнографических областей и провинций с ареалами языковых семей, отдельных языков и диалектов. Язык занимает особое место в системе традиционно-бытовых явлений, являясь частью культуры, поскольку мышление принимает «вещественную», по выражению Н. И. Конрада, форму только в звуковой оболочке языка³⁷. Он не только форма общения, но и выражение интеллектуальной общности данной этнической группы. Недаром единство языка рассматривается в качестве важнейшего атрибута нации. Совпадение или близость языков контактирующих общностей является непременным условием этнического развития от племен до наций³⁸.

³⁴ Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1; В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974, стр. 305.

³⁵ В. В. Гинзбург, Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 45.

³⁶ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, стр. 313—329.

³⁷ Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972, стр. 475.

³⁸ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 299 и сл.

Рассматривая язык как один из важнейших элементов культуры (в широком смысле слова), казалось бы, можно сделать вывод о соответствии между основными историко-этнографическими и языковыми общностями по крайней мере в период первоначального формирования тех и других. Однако в действительности такое соответствие наблюдается редко. Гораздо чаще можно наблюдать несоответствие языковых и историко-культурных границ.

Весьма характерным примером является огромный ареал индоевропейских языков. Начало обособления отдельных индоевропейских языков на базе диалектов общего языка-основы относится большинством лингвистов к IV—III тысячелетиям до н. э. на территории степей и лесостепей от бассейна Дуная и Балкан на западе до Арало-Каспийской низменности — на востоке³⁹. Лингвисты установили отдельные этапы этого сложного процесса, в котором сформировались различные группы языков: славянские, балтийские, иранские, индийские, германские, кельтские, романские и др. Современные народы индоевропейской языковой семьи расселены теперь на гораздо более широкой территории, чем их предки — от берегов Атлантического океана до Индийского. На этой территории ареалы отдельных языковых групп не совпадают с крупными историко-этнографическими провинциями и областями.

История дает нам много примеров, когда отдельные народы под влиянием своих более развитых соседей нередко воспринимают их язык, сохраняя в то же время свои хозяйственно-культурные особенности⁴⁰. Часто случалось, что степень совпадения между историко-этнографическими провинциями и расами оказывалась даже большей, чем между историко-этнографическими областями и ареалами языковых групп. Так, при сравнительной расовой гомогенности населения восточноазиатской провинции, принадлежащего в основном к северной ветви тихоокеанских монголоидов, в пределах провинции издавна существуют языки совершенно различных, неродственных между собой семей — китайско-тибетской, тунгусо-маньчжурской, аустроазиатской и аустронезийской. Здесь же распространены трудно классифицируемые языки — корейский и японский.

Известную роль в сложении историко-этнографических областей играла конфессиональная принадлежность входящих в их состав народов. Наиболее значительной была эта роль в рабовладельческую и особенно в феодальную эпохи, когда сложились и получили широкое распространение религии национальные (индуизм, иудаизм, синтоизм и др.) и мировые (буддизм, христианство, ислам). Они оказывали огромное влияние на всю традиционно-бытовую культуру своих последователей. Распространяясь на обширных территориях, некоторые религии, в первую очередь христианство и ислам, способствовали внедрению в жизнь разных этносов одинаковых стереотипных форм культуры и быта и вместе с тем затрудняли общение между народами различной конфессиональной принадлежности⁴¹. Несомненно, например, что индуизм играл очень большую роль в сложении южноазиатской историко-этнографической провинции; формирование в VII—VIII вв. н. э. огромной зоны распространения арабской культуры, оказавшей большое влияние на многие народы Азии и Африки, не может быть понято без учета исторической роли ислама. Например, разделение в этот период средиземноморской историко-этнографической провинции, единой в прошлом, на южную (африканско-азиатскую) и северную (европейскую) части в

³⁹ В. И. Абаев, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов, «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 26—37; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 7—88.

⁴⁰ П. И. Кушнер (Кнышев), Указ. раб., стр. 128; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 30—31, 57.

⁴¹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 108.

значительной степени связано с противоборством в этом регионе мусульманских и христианских государств.

На ранних этапах истории человечества, до возникновения классовых обществ и первых государств, границы между историко-этнографическими областями всех таксономических рангов определялись преимущественно естественно-географическими рубежами. Морские пространства, горные массивы, непроходимые леса разделяли различные группы этносов, развивавшихся долгое время изолированно. Первоначальное освоение новых территорий при сохранении прежних культурных традиций и образа жизни способствовало как замедлению темпов прогресса данной группы населения при условии долгой изоляции, так и увеличению мирового разнообразия локальных различий культуры. Замедление темпов исторического прогресса особенно заметно сказалось в изолированных периферийных областях ойкумены, например, у тасманийцев и австралийцев, бушменов Южной Африки, огнеземельцев, эскимосов и др.

С развитием средств передвижения, в ходе истории значение географических рубежей ослабевало, усиливались информационные связи, устанавливались пути торгового обмена и зоны контактов различных культур. С образованием древнейших очагов высоких цивилизаций в Двуречье и Египте, а позднее и в других странах Средиземноморья, Передней, Южной, Средней и Восточной Азии, Северо-Восточной Африки и Мезоамерики вокруг них стали возникать новые историко-этнографические области, ареалы которых определялись уже не столько естественно-географическими рубежами, как в первобытный период, сколько политическими границами раннеклассовых государств и сферами их экономического и культурного влияния. На протяжении всей дальнейшей истории роль политических факторов в историко-культурном районировании возрастала, хотя в каждую большую эпоху развития классового общества (рабовладельческую, феодальную, капиталистическую) складывались свои специфические отношения между государственными и этническими границами⁴². В то же время вследствие неравномерности социально-экономического развития во многих регионах нашей планеты (особенно в Тропической Африке, Австралии и Океании) продолжали полностью или частично существовать историко-этнографические области, возникшие в условиях доклассового общества.

Важную роль в сложении историко-этнографических областей играли крупные миграции народов, диффузии тех или иных культурных и технических достижений, прямые или сложно-контактные заимствования культурных явлений. Благодаря культурным контактам опосредствованно и на протяжении значительных промежутков времени окраинные части ойкумены постепенно «накапливали» культурные достижения передовых для своего времени центральных очагов и могли как бы «совершать скачки» в своем культурно-социальном развитии⁴³.

В историческом процессе известны миграции различного типа: длительное первоначальное расселение небольшими группами в эпоху палеолита («атомарное» по выражению А. П. Окладникова)⁴⁴, расселение скотоводов и ранних земледельцев в ходе «сегментации» первичных неолитических ареалов⁴⁵; широкие миграции средневековых кочевников;

⁴² С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 74—99.

⁴³ С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной этнографической науки, «Вопросы истории», 1961, № 11.

⁴⁴ А. П. Окладников, Палеолит Монголии, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 10.

⁴⁵ И. Н. Хлопин, Сегментация в истории первобытного общества, «Вопросы истории», 1968, № 8.

миграции нового и новейшего времени и т. п.⁴⁶. Многие из передвижений народов имели как бы «цепной» характер, т. е. в широкие миграции втягивались соседние народы. Так, движение гуннов в западном направлении, начавшееся в первом веке нашей эры, закончилось в центре Европы и сдвинуло со своих мест огромную массу народов Центральной и Средней Азии, а за ними и племена Юго-Восточной Европы. Из Приуралья и Прикаспийских степей далеко на запад в долину Дуная переселились предки современных венгров. Монголы в своем движении из Центральной Азии привели в движение многие тюркоязычные племена и народности Южной Сибири. Передвижения германских племен в Западной и Центральной Европе привели к смешению пришельцев с прежними обитателями и стали основой образования народностей Европы: англичан, немцев, датчан, голландцев и т. д.⁴⁷. Великие географические открытия и развитие капитализма положили начало широким межконтинентальным миграциям европейских народов в Америку, в Австралию, в Южную Африку. Передвижения больших масс населения способствовали интенсивности информационных связей, усиливали взаимное влияние культур, став причиной появления сходных традиционно-бытовых черт у населения обширных территорий.

В силу неравномерности развития культуры на протяжении всей истории человечества, вплоть до наших дней существуют разновременные по своему происхождению, совершенно разные по своему характеру и по своим социально-экономическим особенностям историко-этнографические области. Наиболее яркий пример: сосуществование на Австралийском континенте Аборигенно-австралийской и Англо-австралийской областей. Первая восходит к первобытнообщинной эпохе; вторая является порождением колониальной капиталистической экспансии недавнего времени. Аборигенно-австралийская область, непрерывно уменьшаясь в своих размерах, в наши дни ограничивается некоторыми тропическими или пустынными районами Северной, Центральной и отчасти Западной Австралии. Англо-австралийская область, непрерывно расширяясь, занимает всю остальную часть Австралии, а также Тасманию. Подобные соотношения можно наблюдать и в некоторых других частях света, например в Южной Америке и Южной Африке.

В данной статье сделана попытка предварительного историко-этнографического районирования мира для конца XIX — начала XX в., как это было предложено для хозяйственно-культурных типов⁴⁸. К этому периоду в мире можно выделить 16 крупных провинций: Восточноевропейская, Кавказская, Среднеазиатско-Казахстанская, Сибирская, Западно-европейская, Аравийско-Североафриканская, Африканская Тропическая, Переднеазиатская, Южноазиатская, Центральноазиатская, Восточноазиатская, Юго-Восточноазиатская, Североамериканская, Латиноамериканская, Австралийская, Океанийская. Вполне естественно, что эти провинции в своих основных чертах совпадают с исторически сложившимися крупными регионами, выделившимися на рубеже XIX и XX вв. по географическим и политико-экономическим признакам.

Историко-этнографическое районирование мира, по существу, только началось. Проведение границ между провинциями и особенно между областями затруднено вследствие существования многочисленных пере-

⁴⁶ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов и формирования новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

⁴⁷ Н. И. Конрад, Указ. раб., стр. 465 и сл.

⁴⁸ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., карта.

ходных зон, а также из-за подвижности самих границ в новейшее время и благодаря неравномерности этнографического изучения стран мира⁴⁹.

Выделенные историко-этнографические провинции и области, сложившиеся в различные исторические эпохи, но окончательно сформировавшиеся в XVI—XIX вв., представляют собой реальные категории и в наши дни, хотя степень сохранности их характерных культурно-бытовых особенностей очень различна.

Развертывание работы по выделению историко-этнографических областей и их группировки в более крупные единицы — провинции — представляется очень перспективным для разработки многих проблем этнографической науки, в особенности вопросов этногенеза и этнической истории, а также соотношения традиций и инноваций в процессах культурного взаимодействия между разными народами и в разные исторические эпохи.

HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC AREAS (PROBLEMS IN HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC REGIONALIZATION)

An important task in ethnography is the study of geographical differences in culture and every-day life: these show a wide diversity and a complex hierarchy within closed spatial systems. Their study and typological analysis based upon an approach from the viewpoint of origins and historical development has long constituted a basic problem in ethnography. Soviet ethnographers have originated the concept of «economic-cultural types» and «historical-ethnographic areas». Historical-ethnographic areas, as distinct from «types», which are geographically dispersed and occur in different parts of the world, comprise ethnoses (peoples) inhabiting contiguous territories and genuinely linked by common cultural traits, though they may differ in their level of social development, their economy, language, racial composition, and culture. Historical-ethnographic areas are such parts of the Eucumene where the population has, in the course of protracted contacts and through mutual influence, acquired many cultural traits in common. The history of such areas is intimately linked with the ethnic and cultural history of their peoples. These areas form a system of taxonomically unequal units over the world. The basic unit is the area; this is divided into subareas, and further into districts. Several contiguous areas may be grouped together as historical-ethnographic provinces.

Historical-ethnographic areas (distinguished by common ethnographic characteristics) and ethnoses (ethnic communities) are two typologically distinct systems. They are closely interwoven with one another, structurally interrelated, but their territories do not, as a rule, coincide. Both historical-ethnographic areas and economic-cultural types are historical categories which arose, evolved, and in many cases came to their end, in the course of the social-economic development of individual ethnoses.

⁴⁹ Структура этнографических учреждений как в СССР, так и за рубежом (научно-исследовательские учреждения, отделы и сектора, группировка публикаций, музеев и т. п.) нередко отражает объективно существующие в мире группировки этносов (народов) по тем или иным крупным историко-этнографическим провинциям или областям.